

прочих причин отказа взрослых и опытных осужденных от нанесения татуировок является в том числе и нежелание иметь лишнюю особую примету.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

с древних времен до настоящего времени тюремные татуировки являются неотъемлемым составляющим элементом тюремной субкультуры;

на сегодняшний день тюремные татуировки в учреждениях УИС Республики Беларусь почти не наносятся, что связано как с существующим запретом на их нанесение в действующем законодательстве, так и с ослаблением тюремных традиций, норм и правил, а также с возможностью качественного нанесения татуировки в условиях свободы в специально оборудованных кабинетах;

в настоящее время основным побудительным мотивом нанесения татуировок является дань моде – возможность выделиться;

у основной массы осужденных отмечается нейтрально-отрицательное отношение к нанесению татуировок;

среди осужденных, позитивно относящихся к нанесению татуировок, доминируют лица в возрастных категориях до 18 лет и от 18 до 25 лет, что в основном связано со стремлением к самоутверждению лиц молодого возраста и ослаблением влияния социально полезных связей на формирование личности молодого человека в местах лишения свободы.

Библиографические ссылки

1. Бронников А.Г. Татуировки осужденных. М., 1982.
2. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. 3-е изд. СПб. : Питер, 2003.
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174 : в ред. постановления М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 5 нояб. 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 13 янв. 2004 г., № 3 : в ред. постановления М-ва внутр. Респ. Беларусь дел от 5 нояб. 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) [Электронный ресурс] // Юридическая психология и не только... 2004. Режим доступа: <http://yurpsy.by.ru/biblib/pirojkov.htm> (дата обращения: 06.05.2005).
6. Рабочая книга пенитенциарного психолога / под ред. А.И. Мокрецова, В.П. Голубева, А.В. Шамиса [Электронный ресурс] // Юридическая психология и не только... 2004. Режим доступа: http://yurpsy.by.ru/help/xrest/text/pers_penit/04.htm (дата обращения: 31.10.2004).
7. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология (психология тюремной среды) : учебник. Рязань : Рязан. ин-т права и экономики, 1998.
8. Шабанов В.Б., Кашинский М.Ю. Аутодеструктивное поведение в учреждениях уголовно-исполнительной системы: организационные и правовые проблемы. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009.

Дата поступления в редакцию: 14.03.2011

УДК 343.9

Н.А. Легенченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОРИЗМ»

Успех или неудача борьбы с любым проявлением преступной деятельности в значительной степени зависит от того, насколько оно полно и точно определено. А унификация подходов к определению понятия и выработка общепринятых мер противодействия – процесс долговременный и чрезвычайно сложный.

The success or failure of struggle against any display of criminal activity substantially depends on how much it full and is precisely defined. And unification of approaches to definition of concept and development of the standard measures of counteraction, process long-term and extremely difficult.

Терроризм как явление известен достаточно давно. Впрочем, сам термин имеет более позднее происхождение. Использование насилия в качестве способа достижения различных целей имеет множество примеров. Философия тираноубийства в Древней Греции тысячи лет назад, уничтожение сотрудничавших с римлянами коллаборационистов в I в. до н. э., в Иудее,

политический террор тайных обществ, так называемая философия бомбы – все это получило дальнейшее развитие и углубление в теории разрушения теоретика анархизма М. Бакунина. Особая роль в пропаганде терроризма в Европе и США принадлежит также анархисту И. Мосту, который проповедовал варварские средства борьбы с варварской системой. В результате уже со второй половины XIX в. терроризм становится постоянной угрозой стабильности жизни общества, даже в условиях этатического государства с жесткой системой тотального контроля.

Однако попытки теоретического осмысления и создания на практике эффективной системы противодействия натолкнулись на многочисленные препятствия, прежде всего отсутствие единого определения понятия «терроризм». Необходимо указать, что разработка дефиниций никогда не являлась простой задачей. Несмотря на то что имеется множество научных работ, посвященных этой проблеме, до настоящего времени в науке отсутствует целостное определение, охватывающее явление в полном объеме.

В зарубежной литературе проблеме терроризма традиционно уделялось достаточно большое внимание. Возможно, это связано с активной террористической деятельностью на протяжении длительного периода во многих регионах мира. Поэтому не случайно в 1977 г. при Государственном университете Нью-Йорка был учрежден Институт по изучению международного терроризма, который в рамках своей исследовательской программы проводит международные семинары и конференции, исследует все аспекты терроризма: социальные, политические, юридические, психологические, в том числе и проблему классификации различных видов и проявлений террористической деятельности [3, с. 4].

Тем не менее у зарубежных авторов, как правило, отмечается стремление максимально расширить тематику исследований. В числе наиболее известных специалистов можно назвать Е. Александера, Ч. Басиони, Дж. Белла, А. Гейчмана, Р. Кларка, Р. Клайна, Р. Клаттербака, Б. Крозье, Ч. Добсона, Дж. Дугарда, Б. Дженкинса, Р. Куппермана, У. Лаккера, Р. Пейна, Р. Трента, П. Уилкинсона, Р. Фири и некоторых других.

Впрочем, по мнению большинства исследователей, общепринятых определений пока нет, хотя начиная с 1937 г. было разработано около 115 вариантов. Первое определение было опубликовано в 1937 г. в Конвенции по предотвращению и наказанию актов терроризма, где под террористическими актами подразумеваются «преступные деяния, направленные против другого государства или населения другого государства и могущие создать атмосферу террора среди отдельных лиц, групп лиц или в обществе в целом» [6, с. 9].

Многие из указанных зарубежных специалистов определяют терроризм как систематическое использование крайнего насилия или угрозы насилия для достижения публичных или политических целей. Под терроризмом также понимается угроза насилия, ставящая целью в первую очередь запугать – терроризировать. Э. Аречага определяет терроризм как акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно с целью вызвать панику, беспорядок в организованном обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил. Ряд авторов утверждают, что сущность терроризма проявляется в беспорядочном насилии, обычно направленном на массы людей: чем ужаснее преступление, тем лучше, с точки зрения террористов. Подобные дефиниции показывают, что акции терроризма понимаются подавляющим большинством исследователей как один из видов насилия (политического, уголовного), затрагивающего в большей или меньшей степени также и международные отношения. Они рассматривают терроризм как особый вид войны, ведения военных действий (Р. Клайн, Е. Александер, Б. Дженкинс). Терроризм часто называли войной XX в. Война и терроризм имеют одну фундаментальную общую черту – стремление достичь определенных политических целей любыми средствами, любыми методами, кроме тех, которые рассматриваются как невыгодные. Б. Дженкинс предлагает свои трактовки понятия терроризма: «Деяние, которое может иметь классические формы криминальных актов, таких, как убийство, поджог, использование взрывчатых веществ, однако оно отличается от обычных криминальных действий тем, что осуществляется с осознанием намерений вызвать панику, создать беспорядки, запугать общественность путем нарушения общественного порядка и создания ощущения беспомощности и беды» [4, с. 4]. Сложность борьбы с терроризмом в данном случае определяется в значительной степени растущей политизацией и идеологизацией самого явления. Поэтому перспектива реше-

ния проблемы зависит от перспектив развития международных отношений, готовности и решимости сторон к диалогу и компромиссу.

Изучение проблем терроризма на постсоветском пространстве сопровождалось почти полным отсутствием фундаментальных теоретических исследований. Помимо этого необходимо отметить, что в отечественной науке сложилась традиция разделения социально-политического и правового аспектов терроризма. Наиболее разработаны социально-политические аспекты проблемы терроризма в трудах В.В. Витюка, А.С. Грачева, С.А. Эфинова, М.Е. Болтунова, А.А. Веселицкого, Г.Р. Зафесова, В.В. Малышева, М.М. Непесова, В.Н. Сапрыкова, Т.Ю. Орешкиной и др. На базе обширного эмпирического материала авторы прослеживают предысторию и современное состояние проблемы, социальные корни и истоки идеологических концепций терроризма. Несколько большее внимание в отечественной литературе уделено правовой стороне проблемы борьбы с международным терроризмом в работах И.П. Блищенко и Н.В. Жданова, А.И. Асеевского, А.И. Бастрыкина, Т.С. Бояр-Созонович, Л.П. Замойского, Ю.М. Мацейко, Л.А. Моджорян и др.

Обращая внимание на определения, разработанные вышеуказанными авторами, отметим, например, позицию В.С. Грехнева в работе «Феномен политического терроризма», где он формулирует определение и доказывает, что терроризм – это особый способ или процесс осуществления насилия, который имеет три основных рациональных элемента: во-первых, цели, которые ставятся и преследуются самими террористами; во-вторых, избранный способ действия в проведении насильственных акций для достижения поставленных целей; в-третьих, психологический или какой-либо другой эффект, на который неизбежно рассчитывают террористы при планировании и осуществлении своих действий [2, с. 195].

Такое разнообразие определений терроризма, предлагаемых зарубежными и отечественными специалистами, затрудняло формирование единой теоретической основы мировой практики в борьбе с терроризмом. Многие ученые вообще не считают возможной выработку определения терроризма. Характерна также неразработанность этой проблематики и в уголовном праве, и в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь. В то же время поиск путей выработки единого направления борьбы с терроризмом предполагает и необходимость разработки соответствующего единого определения понятия.

Если проанализировать многочисленные определения терроризма, которые предлагались как отдельными авторами, так и различными государственными учреждениями некоторых стран, а также содержались в международных конвенциях, касающихся террористической деятельности, то можно выделить ряд элементов, встречающихся наиболее часто [1, с. 36].

Например, С. Сигеллер перечисляет 12 отличительных признаков терроризма:

- 1) его тактическая цель состоит в том, чтобы привлечь внимание к проблеме, стратегическая – добиться коренных социальных изменений, будь то свобода, независимость или революция;
- 2) обязательно предполагается применение той или иной формы насилия;
- 3) орудием воздействия служит психологический шок, порождаемый осознанием того, что и в дальнейшем насилие будет хладнокровно применяться;
- 4) какие бы то ни было законы или ограничения не признаются;
- 5) расчет делается на эффект неожиданности;
- 6) предполагает «политическое вымогательство», поэтому не связан со стихийными восстаниями и выступлениями населения;
- 7) нуждается в незамедлительном удовлетворении выдвигаемых требований, в ином случае прибегает к эскалации насилия;
- 8) дает о себе знать лишь при наличии организации;
- 9) используется организациями любой политической окраски;
- 10) всегда берет на себя ответственность за совершенные акты насилия (они всего лишь средство достижения цели, а не самоцель);
- 11) представляет собой антитезу политического убийства. Ему чужда селективность. Личность жертвы значения не имеет;
- 12) важно произвести впечатление на людей в целом или конкретную группу лиц [6, с. 18].

В то же время В. Уог выделяет лишь четыре признака: особо жестокие формы насилия; формулирование целей, не связанных с конкретным проявлением насилия; оказание психоло-

гического воздействия на широкие слои населения; выбор жертв на основе критерия их символической ценности [6, с. 18].

По мнению С.А. Эфирова, следует выделить три основных признака терроризма: «Первый признак – политическая мотивация насильственных действий, квалифицируемых как терроризм». Как отмечает исследователь, именно здесь пролегает своего рода демаркационная линия между терроризмом и уголовной преступностью, хотя эта грань становится все более условной. «Второй признак – насильственные акты, имеющие целью не простое устранение какого-либо лица, взрыв, угон самолета и т. п., но создание определенного социально-политического климата, дестабилизацию положения, запугивание масс, правительств, социальных групп, партий, организаций и др.». Этим терроризм, по мнению ученого, отличается от единичных политических убийств, хотя и здесь различие весьма условно. «Третий признак – отсутствие необходимой связи с вооруженной конфронтацией. Здесь есть граница между терроризмом и войной, хотя последней может сопутствовать террор против населения захваченных территорий, военнопленных и т. п.» [5, с. 24].

Конечно, все вышеназванные признаки далеко не исчерпывающие и не решают проблему определения понятия во всей ее сложности. Остановимся на наиболее существенных, бесспорных чертах, которые, несомненно, должны быть учтены в его определении. Необходимо также учитывать и трудности разработки единого понятия, они обусловлены сложностью явления, которое объясняется многозначностью самого термина «терроризм».

Очевидно, что неперенным атрибутом терроризма является наличие политических целей. Именно здесь происходит отличие между деятельностью террористов и, например, организованных преступников, поскольку арсенал средств часто один и тот же: захват заложников, угон транспортных средств, убийства и т. д. Совершая террористический акт, террорист, как правило, стремится к достижению максимума огласки, что является одной из целей террористического акта, организованный преступник же, наоборот, никогда не афиширует свою деятельность. Эта особенность является важной отличительной чертой современного терроризма. Известность, достигаемая террористами в результате акта насилия, и создание атмосферы страха, по мнению преступников, обеспечивают признание обществом их деятельности. Чем слабее и менее организована террористическая группа, тем более драматических и шокирующих актов насилия можно от нее ожидать. Взрыв бомбы, который не привел к человеческим жертвам, может быть своеобразным напоминанием, определенным политическим действием, декларацией солидарности или формой протеста. Одновременно подобный акт является свидетельством, подтверждающим возможности террористов провести аналогичную акцию, в результате которой неизбежно погибнут сотни невинных людей, нередко закамуфлированную лозунгами справедливости борьбы за высокие идеалы. Политическая подоплека преступных замыслов состоит также в том, что любой террористический акт так или иначе связан с политической системой, которую, в конечном счете, стремятся либо расшатать, либо укрепить; организованному преступнику же воздействие его деятельности на политическую систему различно, так как он преследует сугубо корыстные цели. Более того, элита преступных формирований старается не затрагивать основы общества, в рамках которого она только и может осуществлять свою преступную деятельность. Необходимо отметить, что отдельные случаи вовлечения организованных преступников в террористическую деятельность, а также их маскировка под террористов не могут повлиять на принципиальное различие между ними.

Второй неотъемлемый компонент терроризма – наличие элемента запугивания. Для него характерно стремление создать социальную и психологическую атмосферу страха, адресованную правительству, представителям тех или иных социальных слоев, групп либо массам в целом. В этом, в частности, заключается принципиальное различие терроризма и единичных политических убийств. Некоторые исследователи относят эту функцию в разряд целей, однако если и рассматривать ее как цель, то исключительно как опосредованную, промежуточную, так как запугивание служит средством достижения гораздо дальше идущих целей. Терроризм – это прежде всего манипулирование страхом. Отмечая исключительное значение в терроризме стратегии запугивания, подчеркнем, страх – это преднамеренный результат, а не побочный продукт терроризма. Характерно, что атмосфера страха – это необходимый элемент терроризма, важнейшая черта, которая отделяет терроризм от других криминальных форм насилия.

Особую опасность современный терроризм приобрел и в силу того, что, выйдя за национальные рамки, он превратился в угрозу жизни не столько отдельного человека, сколько создал опасность международному миру, порядку и стабильности.

Учитывая детальное изучение всех составляющих, которые должны быть отражены и осмыслены, представляется, что на данном этапе разработки дефиниции требуется некоторое сужение понятия, ибо это может принести конкретную практическую пользу. По нашему мнению, терроризм – это запланированная форма применения насилия либо его угрозы, которая провоцирует страх среди населения и ставит цель – принудить правительства, общественность или отдельных лиц к удовлетворению выдвинутых требований.

Разумеется, данное определение не является всеобъемлющим. Тем не менее гораздо важнее, на наш взгляд, выделить терроризм из ряда других явлений социально-политической жизни государства и международного сообщества в целом. Обозначить его виды и формы проявления, что позволит, в свою очередь, разработать эффективные методы борьбы с ним. В целом анализ тенденций последнего времени дает основания предположить, что современный терроризм претерпел значительные изменения и в дальнейшем его следует рассматривать как составную часть глобальной криминальной триады: терроризм, наркобизнес, организованная преступность.

Библиографические ссылки

1. Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1.
2. Грехнев В.С. Феномен политического терроризма // Философия и общество. 1997. Март – апрель.
3. Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. М. : Ин-т междунар. права и экономики, 1996.
4. Терроризм – новый вызов международной безопасности // Борьба с преступностью за рубежом. 1997. Вып. 12.
5. Терроризм: психологические корни и правовые оценки (Круглый стол) // Государство и право. 1995. № 4.
6. Энтин М.Л., Атливанников Ю.Л. Международная борьба с терроризмом: правовые аспекты. М. : Акад. наук СССР, 1988.

Дата поступления в редакцию: 19.01.2011

УДК 343.13

*Р.В. Маджаров, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ С РАССМОТРЕНИЕМ ВОПРОСА О ВЫДАЧЕ ОБВИНЯЕМОГО ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ

С принятием в 1999 г. ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь нормы, регулирующие приостановление предварительного расследования, претерпели ряд изменений. Так, перечень оснований принятия данного решения дополнили четыре новых обстоятельства, два из которых закрепил п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК. В частности, названное правовое предписание позволяет объявить перерыв в производстве по делу в тех случаях, когда иностранным государством рассматривается вопрос о выдаче обвиняемого. Именно об этом основании приостановления расследования и пойдет речь в настоящей статье. В ней с учетом опыта советского и зарубежного законодателей и правоприменительной практики анализируется содержание п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК. Приводится и отстаивается мнение о нецелесообразности приостановления расследования на период разрешения вопроса об экстрадиции обвиняемого в Республику Беларусь.

With the adoption of the current Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus in 1999, the rules regulating the suspension of the preliminary investigation have undergone several changes. For example, four new circumstances have been added to the list of reasons for making a decision, two of which are provided by the Sec. 3, P. 1, Art. 246 of the Code of Criminal Procedure. In particular, this legal provision allows the interruption of the criminal proceeding in case a foreign country considers the question of the extradition of the accused. This precise provision of the suspension of the investigation is discussed in the article. The author analyzes the content of the Sec. 3, P. 1, Art. 246 of the Code of Criminal Procedure, taking into consideration the experience of the Soviet and foreign legislators and law enforcement practice. The point of view that it is not expedient to suspend the investigation for the period of the solution of the question of the extradition of the accused into the Republic of Belarus is proposed and proved.

Пункт 3 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь предусматривает возможность приостановления предварительного расследования (ППР) в тех случаях, когда местонахождение обвиняемого известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в производстве по уголовному делу в связи с рассмотрением вопроса о выдаче иностранным государством, а также в